

Певица, которая не боится внутреннего голоса

Борис Никонов

Универсальность ее оперных образов удивительна и внушает уважение. Ее гибкое и подвижное сопрано изобилует драматизмом и экспрессией. Недаром зарубежная пресса единодушно признает ее одной из лучших «вердиевских» певиц. Но на сцене Большого театра она с успехом исполняет все лирико-драматические партии в русских операх.

Мы встретились с народной артисткой России Еленой Эмильвной Зеленской в ее квартире в центре Москвы.

— На моей памяти настоящими примадоннами Большого театра были всего две три певицы: Антонина Нежданова, Галина Вишневская и, может быть, еще Тамара Милашкина... Вы как бы приняли от них эстафету, осознаете ли вы это?

— Это ваше право, право публики решать, кто есть кто, и называть именно меня примадонной. Я же со своей стороны пытаюсь делать все возможное, а порой и невозможное, чтобы хотя бы оправдать те звания, которые мне присуждены, и в первую очередь честь быть солисткой Большого театра.

— Все ли солисты Большого испытывают такие же чувства?

— Мне кажется, что молодым солистам нашего театра стоит и даже необходимо посещать спектакли более зрелых певцов. Ведь очень полезно слушать не только отличное или хорошее исполнение, но и неудачное. Плохое пение — это тоже большая школа для начинающих певцов.

Женский момент

— В Большом театре, вероятно, более двадцати певиц сопрано, но только одна из них по праву является примадонной. Может быть, у вас есть какой-нибудь секрет?

— Один секрет у меня действительно есть. Я окончила консерваторию очень рано, в двадцать три года, обычно вокалисты заканчивают высшую певческую школу к тридцати годам. Мне тогда говорили: «Да, голос у тебя есть, и это прекрасно, но одним голосом не обойдешься. Ты еще молода, поживешь, выйдешь замуж, родишь ребенка, и тогда в твоём исполнении появятся те особые женские, волнующие публику нюансы».

— Вы замужем, у вас сын... Помогло?

— Конечно. В среде музыкантов иногда пренебрежительно говорят: «Курица — не птица, вокалист — не музыкант». Я абсолютно не со-

гласна с этим. Наоборот, вокалист, не имея инструмента, не видя его, на одних собственных ощущениях создает чарующий звук. Вы можете себе это представить? Ведь для этого необходимо обладать такой тонкой музыкальностью, чтобы от своих ощущений послать сигнал в головной мозг и на связи и воспроизвести такое великое чудо, как пение.

— Вы до этого додумались сами или кто-то научил вас?

— Я научилась прислушиваться к своему внутреннему голосу. Никогда не нужно бояться, а тем более стесняться своего внутреннего голоса. Иногда мы боимся, как бы нас не поняли неправильно. Когда музыкальное под сознание так работает, тогда все бывает в порядке. Это проверено на опыте!

— 2001 год был признан годом Верди, и вас много раз приглашали на Западе быть исполнительницей в его операх.

— Джузеппе Верди один из любимых мною оперных композиторов. Иногда у меня появляется такое ощущение, что Верди писал сопрановые партии именно для моего голоса.

— По этой причине, скорее всего, вам удалось в «Силе судьбы» одну из самых длинных и «нудных» сцен монашеского посвящения превратить в одну из самых захватывающих в этой опере Верди?

— Вердиевский стиль пения — бельканто. Я всегда стремлюсь петь именно в этом стиле, он мне близок. Я не признаю таких определений, как громкое или тихое пение. В вокале это не может быть приемлемо. Подтверждением тому является работа над упомянутой

вами партией Леоноры в «Силе судьбы», премьера которой состоялась в Большом в прошлом декабре. Ведь эта опера была написана Верди специально для России, но в Москве звучала впервые. Волнение мое перед премьерой в Москве из-за этого было невероятным, несмотря на то что я уже десятки раз исполняла эту оперу за рубежом.

Крепостная актриса

— Вы в свое время были первооткрывательницей таких вокальных образов, как Валли в опере Каталани и Марии Стюарт Доницетти. Как жаль, что «Валли» в вашей изумительной вокальной интерпретации прошла всего лишь два раза.

— Да, в концертном исполнении.

— Разве это не расточительство?

— А еще на эксеновском фестивале малоизвестных опер в Ирландии я была первой исполнительницей оперы Джордано «Сибирия», написанной композитором на русский сюжет, а в Скандинавии мне посчастливилось быть первой исполнительницей первой оперы Джакомо Пуччини «Лавилли», за исполнение дирекция театра даже преподнесла мне очень красивую брошь.

А что касается «Валли»... Я участвовала в специальном сольном концерте по заявкам слушателей в прямой трансляции первого канала берлинского радио. Такие концерты там регулярно проводятся, до меня в них принимал участие знаменитый санкт-петербургский баритон Сергей Лейферкус. И вдруг мне задали вопрос:

Петь может научиться каждый — примадоннами становятся, лишь прожив судьбу

«А есть ли в вашем репертуаре ария Валли?» Для меня это было приятной и лестной неожиданностью.

Конечно же, было бы очень приятно продолжать петь все те партии, над которыми проделано столько трудоемкой работы. Но, что скрывать, люди искусства фактически «крепостные» люди.

— Лет десять назад я услышал по радио отрывки из оперы Антона Рубинштейна «Демон» в исполнении «Новой оперы», где вы потрясающе спели арию Тамары. Почему же одна из лучших российских опер, всегда являвшаяся жемужиной репертуара Большого театра, не идет сейчас?

— Мне это особенно жаль, потому что имя Тамара — еще и имя моей покойной мамы. «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Демон», «Руслан и Людмила», «Русалка» всегда были и должны оставаться украшением Большого театра. И вообще отказ от старого репертуара — это в корне неправильная позиция в репертуарном театре. Это же музыкальный клад, который остается не востребуемым.

Везде слышно

— А теперь расскажите: как строится исполнительский сезон примадонны Большого театра?

— Я всегда в первую очередь ориентируюсь на Большой. Благо что теперь у нас контрактная система и мне заранее известна моя занятость. И исходя из этого я планирую свои зарубежные гастроли, которых всегда более чем достаточно. В этом

году я в Тель-Авиве пела премьеру оперы Джордано «Андре Шенье» с Альберто Мастромарино (он пел недавно «Тоску» в Кремлевском дворце съездов), Никколо Мартинуччи, Габриэлем Садэ. Был просто триумфальный прием израильской публики. Потом я пела с Барчуладзе «Макбета» Верди. А сейчас я готовлюсь к поездке в Каир, где буду участвовать в грандиозном событии сезона — в опере «Аида» у пирамид именно в том виде, в каком эта опера была во время ее первого исполнения. Соберется двадцать тысяч слушателей. Представляете? Хотя в нашей певческой среде есть такая поговорка: «Если тебя слышно в Большом, то будет слышно везде».

— Вы, Елена, скромничаете. Почему вы не рассказываете о своем сотрудничестве с Пласидо Доминго?

— Да, действительно, я была очень польщена и довольна, когда увидела за дирижерским пультом нью-йоркской «Метрополитен-опера» блистательного Пласидо Доминго. Он дирижировал оперой Верди «Бал-маскарад», где я исполнила партию Амелии. Там дирижерская комната и гримерные солистов находятся на разных этажах. В каждом перерыве Доминго звонил мне по телефону, выражая свое восхищение моим исполнением. А его репетиции, эти выразительные руки! Это воистину вершина оперного творчества, когда дирижер так понимает певцов. Я провела спектакль как во сне, спела на одном дыхании, ведь Пласидо Доминго пел вместе с нами каждую ноту.

Зеленская Елена Эмильвна 29.10.02

307
248